

Ильф для меня нечаянно воскрес в разговоре с давним приятелем, который сказал: «Был он всего только сержант изысканной словесности».

Я вспомнил, что фраза принадлежит Ильфу.

Его «Записные книжки» не открывал лет тридцать. Нашел у себя и жадно читался. Ничуть не устарели. От них веет величием и невозможностью сочинять. Как от «Дневника» Жюль Ренара, творившего медленно с превеликим усилием. Как от новелл Бабеля, что восхитался летучей легкостью Мопассана — свойством для него недостижимым.

В наших энциклопедиях нет статьи «Ильф». Есть «Ильф и Петров». Вместе они написали книги, которые по популярности приближаются к знаменитым произведениям классической литературы. «12 стульев», «Золотой теленок». А также путевой очерк «Одноэтажная Америка». Ей-богу, не хуже «Фрегата «Паллады».

В «Словаре современных цитат» Константин Душенко собрал популярные ходячие выражения XX века. По количеству цитат Ильф и Петров на втором месте (после Маяковского).

Сросшимся их изобразили в 1934 году Кукрыники (тоже «сросшиеся»). Шарж сопровождали стихи Безыменского:

Ах, Моссовет! Ну, как тебе не стыдно?

Петровка есть, а Ильфовки — не видно.

Они, наверное, комплексовали, что «сросшиеся». «Ильфа и Петрова томят сомнения — не зачислят ли их на довольствие как одного человека». Шутка из «Записных книжек». Оттуда же: «Как мы пишем вдвоем: «Был летний (зимний) день (вечер)», когда молодой (уже немолодой) человек (-ая девушка) в светлой (темной) фетровой шляпе (шляпке) проходил (проезжала) по шумной (тихой) Мясницкой улице (Большой Ордынке)». Все-таки договориться можно».

Их окончательное слияние произошло в небесах: в 1993 году малая планета № 3668 получила имя ИльфПетров.

Тем не менее то были два разных человека. Допускаю даже, что они были на «вы». Я люблю сатирический дуэт Ильфа и Петрова. И оптимизм Петрова. И горесть Ильфа.

Ильф (Илья Арнольдович Файнзильберг, 3.(15). 10.1897, Одесса — 13.4.1937, Москва) приехал в столицу в 1923 году. Евгений Петров, который был на шесть лет младше, тоже приехал в Москву в 1923 году. Молодые одесситы знали, что Москва великий город, и взялись ее завоевывать.

...Город был запущенный, грязный. Торговцы, не имевшие патента, разбегались от милиции. Беспорядочные дети греблись у асфальтовых котлов. Пьяные извозчики зазывали: «Пожалте, ваше сиятельство! Прокачу на резвой!» Один из ранних фельетонов Ильфа называется «Записки провинциала» (1924); приезжий не находит комнату для жилья: «Последние два дня я жил в собственном ботинке. Галки кидали мне на голову что-то белое, пахнущее весной».

Кажется, московские адреса Ильфа начинались с этого ботинка. Возможно, из-за жилищной неурочности Ильф подумывал о возвращении на родину. «Блудный сын возвращается домой» — рассказ под таким названием он напечатал в 1930-м. Дома он был бы обузой для семьи, хотя его не переставал волновать «недвижимый пейзаж» приморских бульваров. Отец Ильфа, скромный бухгалтер, едва сводил концы с концами; мать болела; старшие братья помочь ничем не могли; отец пытался направить сыновей по «практическому» пути, но они один за другим уходили в художники. Ильф, третий сын, окончил ремесленное, работал чертежником, телефонным монтером, токарем... но жил литературой. Писал стихи. Читал, за-

100 лет

Илья Ильф: московские адреса

нимался самообразованием. Шерстяное одеяло с густым ворсом, обязательно красного цвета, было мечтой худого хрупкого юноши.

Когда в Одессе сыро, в Москве холодно. В тех же «Записках провинциала»: «нашел приятелей. Одолжил на ночь один квадратный аршин на полу». На квадратном аршине пола, подстилая газету (формат был гораздо больше нынешнего), Ильф спал у Валентина Катаева в Мыльниковом переулке на Чистых прудах. Летом 1924 года ему, вместе с Юрием Олешей, редакция газеты «Гудок» предоставила клетушку, примыкающую к печатному отделению типографии, по адресу: Чернышевский пер. (ул. Станкевича), 7. Кровати не было, но Ильф купил на Сухаревке матрац. Матрац стоил двадцать рублей. Сюда Ильфу в 1924 году приходили письма. Петров вспоминал: «...Мы описали это жилье в романе «12 стульев», в главе «Обожжение имени монаха Бертольда Шварца». Ильфу спали корреспонденцию также на редакцию «Гудка»: ул. Солянка, 12, комната 363, но жил он здесь или только работал, неясно.

Год 1925. Ильф уже женат, и вместе с молодой женой Марией Николаевной Тарасенко, которая теперь носит его фамилию, поселился по адресу: Большая Лубянка, Сретенский пер., 1, кв. 24. В этом году он познакомился с Петровым.

С 1926 по январь 1932-го Ильф жил в Соимоновском проезде, 5 кв. 23 (платежная книжка за 1931 год). Комната на 6-м этаже. Визави храм Христа Спасителя. Есть фото: Ильф, его жена, брат, а также Катаев и Борис Левин, автор романа «Юноша» — на ступенях храма. Он был очевидцем и, вероятнее всего, из окна этой комнаты снял 5 декабря 1931 года моменты разрушения храма: собственной «лейкой», купленной годом раньше. Три снимка сохранились (имеются у дочери Ильфа Александры).

Думаю, не ошибусь: ни Ильф, ни Петров не сочувствовали новым Геростратам. В 1932 году соавторы опубликовали фельетон «Четыре свидания». Житель Винницы должен быть в Москве короткое время: четыре часа. Он назначает четверем друзьям свидания в излюбленных местах. Первое — на Красной площади у Минина и Пожарского. Придя на площадь, он видит, что «место свидания исчезло», а гражданин и князь «указывали своими зелеными ручищами уже не на Кремль»,

куда им полагалось указывать, а на какой-то магазин. Второе свидание назначено у Иверской, но ее снесли вместе с воротами. К дому, где планировалось третье, приезжий подойти не смог: помешала стройплощадка метрополитена. Четвертое свидание должно состояться у фонтана на Лубянской площади. Но фонтан исчез. Бронзовые бамбино больше не держат в пухлых ручонках виноградные гроздья. И ходить по площади воспрещается.

Из насильственных перемен, над которыми позволили себе, с лучшими побуждениями и в цензурных границах, посмеяться Ильф и Петров, безоговорочно одобряли они только одно: строительство метро.

С 1932 года Ильф жил по адресу: Нащокинский пер., 3, кв. 31. Этот дом снесли в 1937-38. Снесли не так давно и построенный на его месте дом, где тоже жили писатели (я бывал здесь у поэта Евгения Винокурова). По этому адресу Ильф во время заграничного путешествия ежедневно писал жене, которую иногда называл «дочка». Он любил черно-белые открытки. И не любил цветные, а в Америке они уже начали теснить черно-белые.

В Америке обострилась смертельная болезнь Ильфа — туберкулез легких.

В начале 1937-го он получил квартиру — Лаврушинский пер., 17/19, кв. 25. 13 апреля его не стало. Недожил, недописал...

Из воспоминаний рождается привлекательный образ. Он был неторопливый, деликатный. Застенчивый. Легко краснел. Признательный: «принадлежу к людям, которые входят в дверь последними». У него был отличный вкус и юмор. В нем была загадка: «Коричневая ворсистая кепка и толстые стекла пенсне без ободков интриговали нас не меньше, чем его таинственное молчание» (Катаев). Он был знаток Диккенса, Лескова. А также Марка Твена.

Звенья эпох причудливо сближаются. Будучи в США, Ильф попал в Хартфорд, где жил его дядя Вильям, эмигрировавший в конце прошлого века. Ильф посетил музей Твена. Среди родни обнаружился еще один дядя, самый старый. Этот дядя рассказал, что был разносчиком, ходил по дворам и познакомился с Твенем. Ильф писал домой: «...Марк Твен заинтересовался дядей, потому что дядя носил длинные волосы и сразу было видно, что он из России. Великий юморист долго его расспрашивал о России и просил дядю заходить каждый раз, когда он будет проходить мимо со своими товарами». Ильф думал о Твене, о том, как все переплелось...

Ильф бывал мрачен. Кто ж из юмористов весельчак? Мы чужие на этом празднике жизни (попало в словарь цитат). Говорят, он был жесткий. Были бы юмористы мягкие, они б не смеялись, а плакали. Сквозь смех Ильфа проникает печаль. Однажды он записал: «В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет». Возможно, вместо «радио» он подразумевал другое.

Он был смелый; сатира — занятие не для робких. Возможно, брезгливый: «Путаюсь в со-

плях, вошел мальчик». Его блокноты переполнены острыми подробностями Москвы 20-30-х, раннесоветской жизни, что, как всякая ушедшая жизнь, не повторится никогда.

Ему случалось брать с бою трамвай: «Московский трамвай никак не может удовлетворить всех желающих, а все-таки перевозит. Это чудо, и, как всякое чудо, оно идет вразрез с материалистическим мировоззрением» («Москва от зари до зари», 1928). Над чем он здесь подшучивал: над переполненным вагоном? над высокомерием идеологии? над собой?.. «Мне обещали, что я буду летать, но я все время ездил в трамвае».

Он чувствовал себя летописцем. Его занимало, что на Берсеневской набережной вырастет дом-великан. И что собиратели окурков выходят на улицы раньше, чем дворники. Он слушал, о чем болтают женщины с жестянками для керосина. Шагал по Петровскому парку среди футбольных зрителей, сокрушаясь, что стадион тесен. Видел промышлявших нищенством и воровством забулдыг, которым не хватило места в ночлежном доме. И еще много чего. У него было мозаичное мышление поэта.

В последний год жизни он стал особенно мрачен. Что это был за год, известно нынче каждому школьнику. Вот описание магазина (в подмосковной Малаховке): «Еще продаются в продмаге мухи. На маленьком черном куске мяса сидит тысяча мух, цена за кило мух 5 рублей. Недорого, но надо самому наловить». О поэте-подхалиме: «Пишет стихи, точно выбирает почетный президиум. Обязательно упомянет весь состав». О критиках: «тяжело и нудно среди непуганых идиотов». О фильме «Цирк», в котором очень смешная пьеса Ильфа и Петрова превратилась в помпезное прославление режима: «Умирать все равно будем под музыку Дунаевского и слова Лебедева-Кумача».

Действительность Ильфа была далека от лицемерных песен типа «Где так вольно дышит человек». Скорей, не вольно, а воню: «В грязи вокзала, в сумбури широких и мрачных деревянных скамей, где храпят люди и их громадные мешки. Мешки такие большие, будто в них перевозят трупы».

Возможно, он разочаровался в искусстве: «Как скучно быть кариатидой, подпирать какой-то некрасивый балкон».

Дочь Ильфа слышала от кинодраматурга Вольпина, дружившего с ее отцом, а в конце жизни — и с нею, такой рассказы. Ильф и Вольпин гуляют по городу. Лето, Мария Ильф на даче. Свечерело. Подходят к дому: в окне Ильфа свет. А вышел Ильф днем. Света в квартире быть не должно. Ильф сказал: «Миша, давайте погуляем еще. Мне очень не нравится, что там горит свет». По мнению Вольпина, Ильф предполагал, что у него обсып.

Не станем приписывать людям минувшей эпохи, будто они знали то, что мы знаем сегодня. Но думать, что Ильф и Петров не гадали о происхождении в стране, просто глупо. Вытеснить их из читательского сознания, объявив апологетами провалившейся идеологии и шельмовщиками русской интеллигенции (в лице Василия Лоханкина), фигурная и бесплодная затея. Вернее всех в новое время об Ильфе и Петрове написал Бенедикт Сарнов: «...Коммунистическая идеология совершенно не затронула живую основу их романа. (...) Фигура Остапа — это гимн (независимо от желаний и намерений авторов) духу предпринимательства (...) Жулком его сделали обстоятельством, имя которым — социализм».

К 100-летию Ильфа «Вагнус» издал первый полный вариант «12 стульев», восстановив изъятые советской цензурой. Курсивом. Чтобы прочли все.

Может ли оказаться бесмертным сержант изысканной словесности?

Владимир ПРИХОДЬКО.